

Научная статья
УДК 930(470.343)
DOI: 10.20323/2658-428X-2025-4-29-94
EDN: JKNOWM

**Борьба органов милиции с дезертирством в Кировской области
в годы Великой Отечественной войны**

Андрей Анатольевич Машковцев

Доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории
и политических наук, Вятский государственный университет, г. Киров
usr07875@vyatsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8135-4043>

Аннотация. Тяжелые поражения Красной Армии в первые месяцы Великой Отечественной войны, огромные людские потери, а также быстрое отступление РККА в центральные районы страны привели к падению воинского духа и дисциплины у части советских солдат. Следствием этого было появление массового дезертирства в РККА, а также уклонение от мобилизации резервистов и призывников. Дезертиры и уклонисты прятались по лесам, занимаясь кражами и грабежами. Многие из них объединялись в настоящие банды, хорошо оснащенные огнестрельным оружием, которые терроризировали население тыловых районов Советского Союза.

В статье, на основе анализа документов ведомственного архива Управления внутренних дел по Кировской области и Центрального государственного архива Кировской области, рассмотрено возникновение и развитие дезертирства в Кировской области в 1941–1945 гг., а также показана деятельность региональных правоохранительных органов по борьбе с этим опасным явлением. Автор проанализировал численность дезертиров на территории Кировской области, а также выявил районы их наибольшей активности. Были установлены наиболее крупные и опасные организованные преступные группы, состоявшие в основном из дезертиров и уклонистов, а также примкнувших к ним уголовников.

Основное внимание уделено рассмотрению деятельности правоохранительных органов по выявлению и задержанию дезертиров, а также справедливому наказанию их и пособников.

Ключевые слова. Кировская область; дезертирство; бандитизм; милиция; борьба с преступностью; Великая Отечественная война; военная служба

Для цитирования: Машковцев А. А. Борьба органов милиции с дезертирством в Кировской области в годы Великой Отечественной войны // Социально-политические исследования. 2025. № 4 (29). С. 94–107. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-94>. <https://elibrary.ru/JKNOWM>.

Original article

The police's fight against desertion in the Kirov region during the Great Patriotic war

Andrey A. Mashkovtsev

Doctor of historical sciences, associate professor, head of department of history and political sciences, Vyatka state university, Kirov
usr07875@vyatsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8135-4043>

Abstract. The Red Army's severe defeats in the first months of the Great Patriotic War, its enormous human losses, and the Red Army's rapid retreat to the central regions of the country led to a decline in morale and discipline among some Soviet soldiers. This resulted in mass desertion within the Red Army, as well as the evasion of mobilization by reservists and conscripts. Deserters and draft dodgers hid in the forests, engaging in theft and robbery. Many of them formed veritable gangs, well-equipped with fire-arms, which terrorized the population in the rear areas of the Soviet Union.

Based on the analysis of documents from the departmental archives of the Kirov oblast Directorate of internal affairs and the Central state archives of the Kirov oblast, this article examines the emergence and development of desertion in the Kirov oblast from 1941 to 1945 and describes the efforts of regional law enforcement agencies to combat this dangerous phenomenon. The author analyzed the number of deserters in the Kirov region and identified the areas of their greatest activity. The largest and most dangerous organized crime groups, consisting primarily of deserters and draft dodgers, as well as criminals who joined them, were identified.

The author focuses on the efforts of law enforcement agencies to identify and apprehend deserters, as well as to ensure fair punishment for them and their accomplices.

Key words: Kirov oblast; desertion; banditry; police; crime control; the Great Patriotic War; military service

For citation: Mashkovtsev A. A. The police's fight against desertion in the Kirov region during the Great Patriotic war. *Social and political researches*. 2025;4(29): 94–107. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2025-4-29-94>. <https://elibrary.ru/JKNOWM>.

Введение

После начала Великой Отечественной войны одним из важнейших направлений деятельности НКВД СССР стала борьба с дезертирством и уклонением от призыва в РККА. Советское уголовное законодательство рассматривало данное деяние как тяжкое преступление, за которое в военное время преду-

сматривалось суровое наказание, вплоть до смертной казни (ст. 193 УК РСФСР).

Особая опасность дезертирства была связана с тем, что данное явление крайне негативно сказывалось на обороноспособности страны. Дезертиры и уклонисты не только разрушали систему комплектования Вооруженных Сил

СССР, но и провоцировали пораженческие настроения. Кроме того, имела прямая взаимосвязь между дезертирством и обострением криминальной ситуации в стране: опасаясь судебных преследований, дезертиры и уклонисты переходили на нелегальное положение, объединялись в банды, которые терроризировали местное население. Это в свою очередь осложняло обстановку в тылу, порождая у людей страх перед бандитами. Наконец, дезертирство представляло определенную угрозу самому советскому политическому режиму, поскольку оно постоянно пополнялось за счет противников коммунистов (раскулаченных, репрессированных и пр.). Некоторые группировки дезертиров (например, в Чечено-Ингушетии) занимались не только бандитизмом, но и повстанческой деятельностью.

Драматическое начало войны, сопровождавшееся тяжелейшими поражениями Красной Армии, превратило дезертирство в массовое явление, масштабы которого приобрели угрожающий характер. Только за период с 22 июня и до конца 1941 г. Правоохранительными органами СССР было задержано 710 тыс. дезертиров и свыше 70 тыс. уклонистов от мобилизации [Гусак, 2008]. Правда, следует оговориться, что далеко не все из этих людей являлись дезертирами в прямом смысле этого слова. В условиях неразберихи, а иногда и хаоса, вызванного внезапными

прорывами частей вермахта и стремительным отступлением РККА, многие из задержанных оказывались военнослужащими, отставшими от своих частей, либо неорганизованно отходившими в тыл. Тем не менее даже с учетом этого обстоятельства, рост числа дезертиров и уклонистов в СССР в первые месяцы войны был существенным.

Степень разработанности проблемы

До конца 80-х гг. XX в. Проблема дезертирства из рядов Красной Армии почти не рассматривалась советскими исследователями. Это было связано с двумя ключевыми факторами. *Во-первых*, основное внимание уделялось героизации подвига советского народа, поэтому дезертирство воспринималось как исключительно негативное и позорное явление, изучение которого не приветствовалось советскими государственными и партийными органами. *Во-вторых*, основная масса источников по истории дезертирства в 1941–1945 гг. находилась в ведомственных архивах и была засекречена.

Идеологические реформы периода «перестройки», а также, так называемая «архивная революция» резко изменили ситуацию с изучением проблемы дезертирства в нашей стране. В 1990-е гг., и особенно в начале XXI в. Появился целый комплекс исследований, посвященных борьбе с дезертирством в разных регионах страны.

Так, В. В. Блинова рассматривала данную проблему на Южном Урале [Блинова, 2020], А. И. Вольхин – в Западной Сибири [Вольхин, 2014], С. П. Шатилов – на Алтае [Шатилов, 2022], Д. В. Тумаков – в Верхнем Поволжье [Тумаков, 2010], А. Г. Рябченко – на Северном Кавказе и т. п. [Рябченко, 2016].

В Кировской области одним из первых данную проблему поднял Ю. Б. Порфирьев, изучавший деятельность органов НКВД в Кировской области в годы Великой Отечественной войны. Также данная тема была кратко рассмотрена в статье А. В. Семенов, посвященной борьбе кировской милиции с уголовной преступностью в 1941–1945 гг. Однако полной и целостной картины борьбы правоохранительных органов с дезертирством в настоящее время не существует. Представленная статья призвана хотя бы частично решить данную проблему, показав вклад кировской милиции в борьбу с дезертирством в 1941–1945 гг.

Источники исследования

В основу данного исследования положены материалы двух региональных архивов – Центрального государственного архива Кировской области и Архива Управления МВД по Кировской области. Используемые документы подробно раскрывают деятельность кировской милиции в годы Великой Отечественной войны.

В Центральном государственном архиве Кировской области

наибольший интерес по заявленной теме представляют документы фонда Кировского областного комитета КПСС (фонд П-1290). На протяжении всей войны Кировский обком ВКП(б) тесно взаимодействовал с региональным Управлением НКВД по различным аспектам обеспечения безопасности тыловых объектов и поддержания общественного порядка. В ходе начального этапа Великой Отечественной войны региональные партийные органы неоднократно требовали от милиции и органов государственной безопасности усилить борьбу с дезертирством, поскольку дезертиры не только негативно влияли на общественные настроения в крае, но и наносили существенный ущерб экономике региона. После совершения коренного перелома в войне, и, особенно, на ее заключительном этапе интерес областного комитета ВКП(б) к данной проблеме заметно снизился, что свидетельствовало о существенном улучшении ситуации с дезертирством в области.

Еще больший интерес представляют рассекреченные документы Архива Управления МВД по Кировской области. В этом ведомственном архиве содержится огромное количество документов, раскрывающих различные аспекты в деятельности региональной милиции, в том числе ее борьбу с дезертирами и уклонистами от мобилизации в 1941–1945 гг. В частности, в архиве хранятся отчеты рай-

онных отделений милиции о принятых мерах по выявлению и задержанию дезертиров. Документы данного архива позволяют установить причины и масштабы дезертирства в области, выявить фамилии лидеров и наиболее активных членов банд дезертиров и уклонистов, оценить степень их оснащенности огнестрельным оружием, а также проанализировать методы, применявшиеся правоохранными органами в борьбе с дезертирством.

Результаты исследования

Дезертирство и уклонение от военной службы наблюдалось в Кировской области и в довоенный период, однако тогда оно не носило массового характера. По данным Ю. Б. Порфирьева, в первом квартале (январь–март) 1941 г. В Кировской области в розыске находилось 246 дезертиров из РККА. Из них за обозначенный период было найдено 158 чел. (64,2 %): 102 – на территории Кировской области, 56 – на территории других областей [Порфирьев, 2012].

После начала Великой Отечественной войны первые случаи уклонения от призыва стали фиксироваться в области уже в начале июля 1941 г. В Вожгальском районе крестьянин М. А. Загоскин отказался идти на призывной пункт, заявив: «Десять лет просижу в тюрьме, а в армию не пойду» [ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 7. Д. 44. Л. 62 об]. При задержании его милицией он оказал активное сопротивление.

Некоторые кировчане пытались уклониться от мобилизации, ссылаясь на проблемы со здоровьем. В Опаринском районе военнообязанный И. И. Рыбин сразу после начала войны стал ежедневно ходить в амбулаторию, добиваясь получения справки о негодности к военной службе, однако врачи не обнаружили у него никаких серьезных заболеваний. Чтобы уклониться от призыва, 2 июля 1941 г. Рыбин умышленно отрубил себе топором палец левой руки [ЦГАКО. Ф. П-1290. Оп. 7. Д. 44. Л. 182]. Его земляки – П. А. Голубев и И. В. Рудаков – причинили себе умышленные ожоги ног уксусной эссенцией, а первый еще и напился отвара табака, спровоцировав пищевое отравление. Все трое были арестованы и переданы военному трибуналу.

В середине июля 1941 г. В Кировской области появились и первые дезертиры, бежавшие с фронта. Одним из них являлся старший сержант К. А. Князев, служивший писарем в Ленинграде. 16 июля 1941 г. Князев получил в кассе 75 000 руб., после чего скрылся [300 лет ... , 2018]. Управление милиции г. Ленинграда сразу же объявило беглого писаря в розыск. Поскольку дезертир являлся уроженцем Кировской области, то региональному управлению НКВД было предписано взять дело под особый контроль. Сотрудники милиции, дежурившие на железнодорожных вокзалах и речных пристанях, получили фотографии дезертира. В родном селе беглеца местный

участковый уполномоченный должен был следить за его домом. Предпринятые меры быстро дали положительный результат: уже 20 июля 1941 г. К. А. Князева задержали вблизи пристани г. Котельнич. При личном обыске у него изъяли 51 245 руб., остальные деньги он успел потратить.

Примерно в это же время в Немском районе появился бежавший с фронта младший командир РККА И. В. Лобов. В отличие от других дезертиров Лобов не прятался в лесах и подвалах, а жил в родном доме совершенно открыто, выдавая себя за комиссованного по ранению военнослужащего. По улицам села он ходил в армейской форме, чуть прихрамывая и нося на голове марлевую повязку со следами крови. Почувствовав свою безнаказанность, дезертир явился в Немское районное отделение милиции и предъявив подложные документы об освобождении от дальнейшей военной службы, потребовал выдать ему паспорт. Сотрудники милиции сразу же обнаружили подлог и попытались задержать дезертира, однако он достал пистолет и открыл по ним огонь. Сделав четыре выстрела, Лобов выскочил из отделения милиции и скрылся в ближайшем лесном массиве. Прочесывание леса не дало никаких результатов, но спустя несколько дней дезертир был задержан на станции Котельнич. При задержании у него изъяли пистолет ТТ с большим количеством патронов [300 лет ... , 2018, с. 192].

С 1 июля по 31 декабря 1941 г. В Кировской области было арестовано 262 дезертира и 183 уклоняющихся от призыва (всего 445 чел.) [АУМВД КО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 7]. В течение первой половины 1942 г. Эти цифры существенно увеличились: к 1 июня 1942 г. В регионе числилось уже 1 126 дезертиров и 852 уклониста (всего 1978 чел.).

Наиболее тяжелая ситуация в 1941–1942 гг. сложилась в трех юго-западных районах области (Кикнурский, Санчурский и Шарангский), где в первой половине 1942 г. Насчитывалось свыше 70 дезертиров и уклонистов. При прочесывании лесных массивов сотрудники органов НКВД обнаружили здесь 25 землянок и схронов [300 лет ... , 2018, с. 191]. Наличие значительного числа дезертиров именно в этих районах *объясняется несколькими причинами. Во-первых*, здесь достаточно прочные позиции имела, так называемая «Истинно-православная церковь» (далее ИПЦ). В отличие от Русской православной церкви ИПЦ никогда не признавала советскую власть и занимала по отношению к ней непримиримую позицию. Сторонники ИПЦ бойкотировали гражданские обязанности, в том числе военную службу, поэтому после начала войны многие представители данной религиозной организации ушли в леса, пополняя ряды дезертиров [Защищая Отечество ... , 2020]. *Во-вторых*, в данных районах проживало немало

единоличников – крестьян, категорически отказывавшихся вступать в колхозы даже несмотря на постоянное административное давление. Накануне войны в области насчитывалось 6 034 единоличных хозяйств, из них в Кикнурском – 750, Санчурском – 700 [300 лет ..., 2018]. Многие из единоличников также недолюбливали советскую власть и не считали себя обязанными защищать ее. Развитию дезертирства в юго-западных районах способствовала не только благоприятная социальная среда, но и географический фактор: здесь имелись крупные лесные массивы, где можно было укрыться от облав. Кроме того, рядом располагались Марийская АССР и Горьковская область, куда дезертиры часто уходили в случае угрозы ареста местной милицией.

Дезертиры не просто прятались от правоохранительных органов. Многие из них объединялись в настоящие банды, терроризировавшие местное население. Особую опасность представляли дезертиры, бежавшие с фронта и имевшие при себе различное стрелковое оружие, а иногда и гранаты. Так, в апреле 1942 г. В Зуевском районе были схвачены два дезертира, у которых изъяли винтовку с большим количеством патронов, а также две гранаты [АУМВД КО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 7].

Обращает на себя внимание тот факт, что банды дезертиров, действовавшие в годы Великой Отечественной войны, были значительно

лучше вооружены, чем организованные преступные группировки довоенного времени. Последние имели холодное оружие либо огнестрельное оружие кустарного изготовления, надежность которого была достаточно низкой. Огнестрельное оружие фабричного производства встречалось достаточно редко, кроме того, к нему сложно было найти боеприпасы.

Ситуация резко изменилась после начала войны. Советское уголовное законодательство устанавливало жесткое наказание за дезертирство в военное время. Пункты 7 – 10 статьи 193 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. Предусматривали применение за данное деяние высшей меры наказания. Зная это, дезертиры, бежавшие из действующей армии, брали с собой любое доступное оружие. В основном это были пистолеты и гранаты, которые было легче спрятать под верхней одеждой либо в вещевом мешке. Многие брали свое штатное оружие в первую очередь винтовки Мосина калибра 7,62 мм. Некоторые дезертиры спиливали у винтовки приклад и часть ствола, превращая ее в обрез. В таком виде можно было скрытно перевозить оружие, однако подобная «модернизация» негативно отражалась на боевых характеристиках винтовки, в первую очередь на кучности боя и эффективности огня. С середины войны в некоторых бандах дезертиров стало появляться (в единичных экземплярах) автоматическое оружие. В 1943 г. При обезврежи-

вании одной из групп дезертиров был захвачен даже ручной пулемет Дегтярева [Семенов, 2022].

Некоторые банды дезертиров делали попытки завладеть огнестрельным оружием и боеприпасами, нападая на сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих РККА. В 1942–1943 гг. в Санчурском районе Кировской области и Килемарском районе Марийской АССР действовала группа дезертиров, возглавляемая уроженцем д. Витьюм Санчурского района М. Е. Пахмутовым. В оперативных сводках НКВД банда фигурирует как «Витьюмцы». Бандиты были вооружены охотничьими ружьями и обрезами, которые неоднократно использовали в ходе разбойных нападений. Всего дезертиры совершили свыше 50 краж и вооруженных ограблений, нанеся ущерб на сумму более 1 млн руб. [АУМВД КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 5]. Стремясь пополнить запасы оружия, бандиты совершили дерзкое нападение на Килемарский райвоенкомат Марийской АССР, однако получив отпор, скрылись в лесах, а затем ушли в Санчурский район Кировской области.

11 июля 1942 г. Из РККА дезертировали уроженец Кировской области Андрей Предеин и житель Горьковской области Павлин Кокин. Они добрались до Котельнича, являвшегося одной из важнейших железнодорожных станций в Кировской области, после чего перебрались в небольшую деревню в Котельничском районе. Чтобы про-

кормиться, дезертиры совершали кражи из хлевов и амбаров местных жителей. Мелкая нажива не устраивала бандитов, а для того, чтобы пойти на серьезное дело, им требовалось оружие. 10 августа 1942 г. В лесу у станции Черная дезертиры напали на участкового уполномоченного Котельничского РОМ Г. П. Паюсова. Хотя милиционер был вооружен и передвигался на лошади, бандиты смогли его одолеть: Предеин неожиданно выскочил из засады, стащил участкового с лошади и отнял у него пистолет, а Кокин убил сержанта обухом топора [АУМВД КО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 29]. Забрав оружие с патронами, убийцы скрылись с места преступления. После этого, они совершили еще несколько тяжких преступлений, но в конечном итоге были схвачены и в декабре 1942 г. Приговорены к расстрелу.

Впрочем, иногда преступникам удавалось добыть оружие сотрудников милиции не в результате нападения на них, а по причине халатности и безответственности самих милиционеров. Во время войны значительная часть сотрудников УНКВД по Кировской области была призвана на фронт, приходившие на их место люди не всегда отличались безупречным поведением. Так, районный пожарный инспектор Малмыжского РОМ А. Н. Царегородцев, находясь в конце 1944 г. В служебной командировке, напился до такой степени, что потерял табельный револьвер системы Нагана с 7 боевыми па-

тронами [АУМВД КО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 13. Л. 26]. В последующем это оружие изъяли после разгрома одной из бандитских групп.

В сентябре 1944 г. Аналогичный случай произошел и в областном центре. Оперуполномоченный 4-го отделения ОБХСС младший лейтенант Кондаков в ходе употребления спиртных напитков уснул на улице, потеряв служебный пистолет с боевыми патронами [АУМВД КО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 13. Л. 36]. Естественно, что руководство регионального управления НКВД очень жестко реагировало на все случаи потери сотрудниками табельного оружия, понимая, что оно может оказаться в руках преступников. Младший лейтенант Кондаков Военным трибуналом войск НКВД был лишен воинского звания, приговорен к 8 годам лишения свободы, но отправлен не в исправительно-трудовые лагеря, а на фронт.

Таким образом, банды дезертиров и уклонистов от мобилизации, возникшие в Кировской области, были неплохо вооружены. Их боевое оснащение включало в себя гранаты, пистолеты, охотничьи ружья, винтовки и даже небольшое количество автоматического оружия. Это позволяло им совершать большое число тяжких преступлений, в том числе умышленные убийства, разбои, грабежи и др. При попытке ликвидации подобных преступных группировок они, как правило, оказывали очень жесткое вооруженное сопротивление,

вступая в настоящие бои с сотрудниками правоохранительных органов.

Рост числа дезертиров вызвал серьезное беспокойство у руководства страны. В конце 1941 г. Главное Управление милиции НКВД СССР разослало в региональные управления директиву, в которой потребовало активизировать борьбу с дезертирством. В ней ставилась задача «вылавливать дезертиров в зимних условиях и не допускать преступных формирований из них в весенне-летний период; активизировать агентурно-оперативную работу по выявлению и ликвидации дезертиров; развернуть вербовку новой агентуры из числа лесников, лесообъездчиков, пасечников, охотников, рыбаков и других лиц, связанных по роду своей работы с пребыванием в лесах, знающих лесные и таежные условия» [Гусак, 2008, с. 11].

В Кировской области, помимо данных мероприятий, широко применялось прочесывание лесных массивов. В Кикнурский, Пижанский, Санчурский и Шарангский районы, где была наиболее тяжелая ситуация, на помощь местной милиции из Кирова были направлены оперативные группы Отдела уголовного розыска [АУМВД КО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об]. Участникам операций предоставили широкие полномочия: в случае неподчинения они могли открывать огонь на поражение.

В 1942 г. В области провели несколько операций, в ходе которых

бандиты, оказывавшие сопротивление, уничтожались. 10 марта 1942 г. В Оричевском районе поймали военнослужащих 131-й запасной дивизии А. И. Пахомова и А. С. Шалагинова, самовольно покинувших расположение части. При задержании Шалагинов оказал вооруженное сопротивление и был застрелен [АУМВД КО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 4]. В июле 1942 г. В Санчурском районе окружили дезертиров Олина и Кошкина. На требование сдаться преступники ответили шквальным огнем из пистолетов, сделав около 50 выстрелов. Ответным огнем оба бандита были убиты [Порфирьев, 2005].

Жесткость действий милиции, не церемонившейся с бандитами, помощь местного населения, а также улучшение ситуации на советско-германском фронте после победы наших войск в Сталинградской битве, привели к тому, что с 1943 г. Масштабы дезертирства и уклонения от призыва стали постепенно сокращаться, хотя сама проблема сохранялась до конца войны.

В 1943 г. Сотрудники милиции провели несколько операций против дезертиров, причем самые масштабные из них вновь прошли на юго-западе Кировской области. Так, в феврале–марте 1943 г. Сотрудники Санчурского РО НКВД, усиленные оперативной группой областного управления НКВД, провели рейды по отдаленным деревням района, в ходе которых арестовали свыше 120 дезертиров и их укрывателей.

В марте 1943 г. В Яранском районе была ликвидирована банда дезертиров Крюковых. Первоначально банда действовала в Санчурском районе, однако после зверского убийства в дер. Орловской местного председателя колхоза К. П. Крюкова, преступники перебрались в соседний Яранский район. Однако здесь возмездие настигло преступников: в ходе спецоперации они были обезврежены яранскими милиционерами во главе с заместителем начальника местного районного отдела НКВД Мурашкевичем [АУМВД КО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 20. Л. 110].

Осенью 1943 г. Была проведена масштабная операция в Санчурском районе по ликвидации упомянутой банды Михаила Пахмутова («витьюмцы»), которая держала в страхе местное население, совершая разбойные нападения и грабежи. Операцией руководил начальник областного управления Уголовного розыска Г. Н. Фалеев [300 лет ... , 2018, с. 193]. В ней участвовали как санчурские милиционеры, так и сотрудники оперативной группы областного управления НКВД. В сентябре 1943 г. Милиция блокировала лагерь бандитов в лесу, но на предложение сдаться дезертиры ответили шквальным огнем. К счастью, никто из сотрудников милиции при этом не пострадал. Когда патроны закончились, большинство бандитов прекратило сопротивление. Однако среди задержанных не оказалось главаря банды Михаила Па-

хмутова, которому удалось скрыться в лесу. Тем не менее уже в октябре 1943 г. Он также был арестован. Поскольку все бандиты активно сотрудничали со следствием и не были причастны к гибели сотрудников правоохранительных органов, то приговор Военного трибунала Уральского военного округа (27 мая 1944 г.) оказался достаточно мягким: все члены банды получили длительные сроки лишения свободы, но никто из них не был расстрелян.

Большую помощь в борьбе с дезертирами милиции оказывало местное население. Так, на лагерь банды М. Пахмутова милицию вывели лесники Зайцев и Примечаев, которые первыми обнаружили схроны бандитов в лесу. Были случаи, когда крестьяне самостоятельно задерживали дезертиров, а потом сдавали их милиции. К примеру, в ночь на 29 июня 1944 г. В дер. Блиновке Чернушинского сельского совета Арбасжского района у местной жительницы А. Р. Блиновой неизвестными было похищено 40 кг муки. Участкового уполномоченного в деревне не было, поэтому потерпевшая сообщила о краже руководителю группы охраны общественного порядка П. Н. Блинову. Тот сразу же пошел по следу преступников и на опушке леса увидел костер, вокруг которого сидели трое неизвестных мужчин. Понимая неравенство сил, Блинов вернулся в деревню и собрал небольшой отряд местных крестьянок (15 чел.), вооружив их вилами. Отважные женщины во главе с умелым команди-

ром незаметно подкрались к незнакомцам и окружили их. К счастью для крестьянок у неизвестных не было никакого оружия, да и решительностью они, видимо, не обладали. Задержанных связали и сдали в милицию. Украденная мука была возвращена А. Р. Блиновой. Преступниками оказались дезертиры А. С. Стародубцев, П. В. Макин и М. П. Поркин, длительное время скрывавшиеся в лесах [АУМВД КО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 12. Л. 172].

После начала коренного перелома в Великой Отечественной войне количество дезертиров в крае стало постепенно сокращаться. Всего на территории Кировской области в январе–феврале 1943 г. Было задержано 303 дезертира из Красной Армии и 233 уклониста [АУМВД КО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2. Л. 10 об]. У них изъяли ручной пулемет, 2 винтовки, 22 пистолета, 11 охотничьих ружей и свыше 70 единиц холодного оружия.

На заключительном этапе Великой Отечественной войны сохранялась положительная динамика по сокращению масштабов дезертирства. На 1 апреля 1944 г. В Кировской области в розыске числилось 523 дезертира и 23 уклоняющихся от военной службы [АУМВД КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 11]. К лету 1945 г. Ситуация еще немного улучшилась: на 1 июля 1945 г. В розыске находились 444 дезертира и 3 уклониста [АУМВД КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 77 об]. Напомню, что летом 1942 г. Общее количество

дезертиров и уклонистов в области составляло 1 978 чел.

Резко сократилось количество банд дезертиров. Если в первом квартале 1944 г. В Кировской области было выявлено и разгромлено 5 бандитских групп дезертиров численностью 23 чел., то за два квартала 1945 г. Всего одна банда дезертиров [АУМВД КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 12; АУМВД КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 77 об].

Заключение

Таким образом, даже в самые тяжелые для страны месяцы войны общее количество дезертиров и уклонистов в Кировской области не превышало 2 тыс. чел., что составляло ничтожный процент от общего числа кировчан, ушедших на фронт

(585 тыс. чел.). Правоохранительные органы Кировской области прекрасно понимали опасность дезертирства и уделяли борьбе с этим негативным явлением значительную часть своего времени. В результате с начала 1943 г. Число дезертиров и уклонистов в области стало неуклонно снижаться, также как и количество организованных преступных групп, созданных дезертирами и уклонистами. Большую помощь милиции в борьбе с дезертирами оказывало местное население, хотя находились и те (главным образом, родственники и друзья дезертиров), кто укрывал и кормил людей, нарушивших свой воинский долг и не пожелавших встать на защиту Родины.

Библиографический список

1. Архив УМВД по Кировской области (далее – АУМВД КО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
2. АУМВД КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 11 – 12.
3. АУМВД КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 77 об.
4. АУМВД КО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 – 4 об., 7, 29.
5. АУМВД КО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2. Л. 10 об., 11.
6. АУМВД КО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 20. Л. 110.
7. АУМВД КО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 12. Л. 172.
8. АУМВД КО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 13. Л. 26, 36.
9. Блинова В. В. На страже закона: южноуральская милиция в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России: материалы Международной научно-практической конференции. Оренбург : Изд-во Оренбургского государственного педагогического университета, 2020. С. 35–39.
10. Вольхин А. И. Роль органов НКВД – НКГБ СССР в укреплении внутривнутриполитической безопасности глубокого советского тыла в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала и Сибири) // Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского государственного университета, 2014. С. 105–111.
11. Гусак В. А. Дезертирство из Красной Армии как социальная основа преступности в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 8 (108). С. 9–16.

12. Защищая Отечество. Милиция Кировской области в Великой Отечественной войне, 1941–1945 / отв. Ред. В. Т. Юнгблюд. Киров : О-Краткое, 2020. 360 с.
13. Порфирьев Ю. Б. Борьба милиции, военных трибуналов и судов с лицами, уклонявшимися от военной службы, с дезертирством и бандитизмом // Великая Победа и Вятский край. 1941-1945 гг. Киров : Экспресс, 2005. С. 135.
14. Порфирьев Ю. Б. Органы внутренних дел в годы войны // Город, ковавший победу: Киров в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Киров : Дом печати – ВЯТКА, 2012. Кн. 1. С. 142–188.
15. Рябченко А. Г. Роль органов и войск НКВД в борьбе с бандитизмом на территории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны // Евразийский юридический журнал. 2016. № 8 (99). С. 133–134.
16. Семенов А. В. Бандитизм в Кировской области в годы Великой Отечественной войны: историко-правовой анализ // Вестник гуманитарного образования. 2022. № 3 (27). С. 21–24.
17. Тумаков Д. В. Правонарушения среди военнослужащих тыловых частей Красной армии в период 1941–1945 гг. (на материале Ярославской области) // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 4 (14). С. 28–30.
18. Центральный государственный архив Кировской области (далее – ЦГАКО). Ф. П-1290. Оп. 7. Д. 44. Л. 62 об., 182.
19. Шатилов С. П. Роль прокуратуры в борьбе с трудовым дезертирством в годы Великой Отечественной войны (на материалах Алтайского края) / С. П. Шатилов, О. А. Шатилова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 3(89). С. 118–123.
20. 300 лет на страже правопорядка. Т. 1: 1718-1945 гг. Киров: Кировская областная типография, 2018. 238 с.

Reference list

1. Arhiv UMVD po Kirovskoj oblasti = Archive of the Ministry of Internal Affairs for the Kirov region (рус – АУМВД КО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
2. АУМВД КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 11 – 12.
3. АУМВД КО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 77 об.
4. АУМВД КО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 – 4 об., 7, 29.
5. АУМВД КО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2. Л. 10 об., 11.
6. АУМВД КО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 20. Л. 110.
7. АУМВД КО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 12. Л. 172.
8. АУМВД КО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 13. Л. 26, 36.
9. Blinova V. V. Na strazhe zakona: juzhnoural'skaja milicija v gody Velikoj Otechestvennoj vojny = On guard of the law: South Ural police during the Great Patriotic War // Velikaja Otechestvennaja vojna I russian nacional'noj bezopasnosti sovremennoj Rossii : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Orenburg : Izd-vo Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2020. S. 35–39.
10. Vol'hin A. I. Rol' organov NKVD – NKGB SSSR v ukreplenii vnutripoliticheskoy bezopasnosti glubokogo sovetskogo tyla v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Urala I Sibiri) = The role of the NKVD – NKGB of the USSR in strengthening the internal political security of the deep Soviet rear during the Great Patriotic War

(based on materials from the Urals and Siberia) // Istoricheskie chtenija na ul. Andropova, 5. Istorija organov bezopasnosti. Petrozavodsk : Izd-vo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. S. 105–111.

11. Gusak V. A. Dezertirstvo iz Krasnoj Armii kak social'naja osnova prestupnosti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941-1945 gg.) = Desertion from the Red Army as the social basis of crime during the Great Patriotic War (1941-1945) // Vestnik Južno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo. 2008. № 8 (108). S. 9–16.

12. Zashhishhaja Otechestvo. Milicija Kirovskoj oblasti v Velikoj Otechestvennoj vojne, 1941–1945 = Defending the Motherland. Police of the Kirov region in the Great Patriotic War, 1941-1945/ otv. Red. V. T. Jungbljud. Kirov : O-Kratkoe, 2020. 360 s.

13. Porfir'ev Ju. B. Bor'ba milicii, voennyh tribunalov i sudov s licami, uklonjavshimisja ot voennoj sluzhby, s dezertirstvom i banditizmom = Fighting defecations and banditry by police, military tribunals and courts // Velikaja Pobeda i Vjatskij kraj. 1941-1945 gg. Kirov : Jekspress, 2005. S. 135.

14. Porfir'ev Ju. B. Organy vnutrennih del v gody vojny = Internal affairs bodies during the war // Gorod, kovavshij pobedu: Kirov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg. Kirov : Dom pečati – VJaTKA, 2012. Kn. 1. S. 142–188.

15. Rjabchenko A. G. Rol' organov i vojsk NKVD v bor'be s banditizmom na territorii Severnogo Kavkaza v gody Velikoj Otechestvennoj vojny = The role of the NKVD bodies and troops in the fight against banditry in the North Caucasus during the Great Patriotic War // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2016. № 8 (99). S. 133–134.

16. Semeno A. V. Banditizm v Kirovskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: istoriko-pravovoj analiz = Banditry in the Kirov region during the Great Patriotic War: historical and legal analysis // Vestnik gumanitarnogo obrazovanija. 2022. № 3 (27). S. 21–24.

17. Tumakov D. V. Pravonarushenija sredi voennosluzhashhih tylovyh chastej Krasnoj armii v period 1941–1945 gg. (na russkij Jaroslavskoj oblasti) = Offenses among servicemen of the rear units of the Red Army in the period 1941-1945. (based on the material of the Jaroslavl region) // Vestnik Jaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Serija Gumanitarnye nauki. 2010. № 4 (14). S. 28–30.

18. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti (russkij – CGAKO). F. P-1290. Op. 7. D. 44. L. 62 ob., 182 = Central State Archive of the Kirov Region (hereinafter – TsGAKO). F. P-1290. List. 7. D. 44. L. 62 vol., 182.

19. Shatilov S. P. Rol' prokuratury v bor'be s trudovym dezertirstvom v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Altajskogo kraja) = The role of the prosecutor's office in the fight against labor desertion during the Great Patriotic War (based on materials from the Altai Territory) / S. P. Shatilov, O. A. Shatilova // Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii. 2022. № 3(89). S. 118–123.

20. 300 let na strazhe pravoporjadka. T. 1: 1718–1945 gg. = 300 years on guard of law and order. T. 1: 1718-1945. Kirov : Kirovskaja oblastnaja tipografija, 2018. 238 s.

Статья поступила в редакцию 26.09.2025; одобрена после рецензирования 19.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 26.09.2025; approved after reviewing 19.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025